

АГАТА КРИМ

ОНЕИРОС

СЧЁТ ЗАКРЫТ

Агата Крим

Онейрос. Счёт закрыт.

«Автор»

2026

Крим А.

Онейрос. Счёт закрыт. / А. Крим — «Автор», 2026

Ли умеет одно по-настоящему хорошо: вести счёт. Её вырастила женщина, которая говорила: «Пока считаешь - ты есть». Счёт - не привычка. Это способ остаться собой. Аксерон - последний город на земле. Здесь всё посчитано: биокредиты на запястьях, свет по графе, люди по тарифам. Здесь никто не знает, что есть другой мир - и что этот город стоит на нём. Но однажды в безупречных колонках Ли появляются строки, которые не сходятся. Чай, подаваемый не той рукой. Шаги, которые ведут не туда. Двенадцать аномалий - и все они указывают в одну сторону: к тому, что у неё отняли, ещё до того, как она узнала, что у неё вообще что-то есть. За Швом лежит Астралис - мир, сшитый из чужих снов. Мир, где избирают имена, запахи и чувства - и где всё отнятое хранит Королева в сундуке, который никогда не бывает пустым. Чтобы вернуть своё, Ли придётся свести самый главный счёт своей жизни. Но у сведения есть цена, и она выше снов, выше памяти, выше самой любви: заплатить можно только тем, что ещё осталось.

© Крим А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Прелюдия. Журнал канцеляра.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Агата Крим

Онейрос. Счёт закрыт.

Пролог

Я считаю шаги, потому что если считать - значит быть. Один. Два... Семь. Числа сбиваются на подъёме, и я начинаю заново, и это единственное, что держит меня: пока я считаю, меня не поглотили.

Я бегу от того, чьего имени не знаю. Страх не даёт оглянуться потому, что я понимаю: посмотрю - и всё закончится. Тело не слушается. Ноги словно налиты свинцом, колени подламываются, а земля под ними отзывается мягко, как топкий берег, и от каждого шага вверх по нему уходит больше сил, чем должно.

Вокруг - город. Улицы похожи на русла высохших рек, а дома - на остовы кораблей, севших на мель столетия назад. Развалины истлели под тяжестью времени, и корявые деревья, как искалеченные скелеты, протягивают к небу обрубки ветвей - просят, тянутся, не дотягиваются.

Небо - багровое полотно, похожее на разорванную рану. Воздух пропитан смрадом гнили. Каждый вдох режет горло и рождает желание вырваться - отсюда, из себя, из бега, из всего. Дыхание мне не принадлежит. Оно берётся откуда-то со стороны, как чужая мысль в чужой голове.

Позади - тишина. Это самое страшное. За мной не топают шаги, не хрустят камни. Тишина догоняет без звука, и поэтому я не останавливаюсь, хотя ноги уже не мои.

Впереди, среди мёртвых улиц, серые валы - площадь. На площади стоят люди. Много людей. Они не бегут, не кричат, не смотрят на меня. Они стоят так спокойно, как спят, - и я знаю, со смутной, неудобной уверенностью, что если подойду и загляну в лицо хоть одному, мне станет плохо от того, кого я увижу. Я не подхожу. Я не смотрю. Я иду мимо них, и мне кажется, что они дышат мне вслед.

А потом - голос. Он приходит не через уши, а сразу в костях:

— Ария.

Я не оборачиваюсь. Это не моё имя. Оно чужое и родное одновременно, как слово из сна, которое утром не вспомнить, а до утра - невозможно забыть.

— Ария. Продолжай считать.

Храм встаёт над площадью. Он высечен из серого камня, он величав и ужасен, как хранитель забытых тайн. Чем ближе я подхожу, тем гуще воздух: он искрится пылью, волосы встают дыбом, а колючий холод на шее заставляет сердце биться чаще. Холод этот исходит от моей тени - зловещей и пустой, как предвестник беды.

Я останавливаюсь перед воротами. Огромные, во весь склон, они переливаются, как смутное отражение, - и я понимаю с последней ясностью спящего: они не закрыты. Они приоткрыты, и в щели лежит свет, тёплый, как тот, которого я никогда не видела. Мне осталось сделать один шаг.

— Ария, — говорит голос. Теперь он близко. Теперь он мне знаком.

Тень догоняет меня на пороге. Она не бросается - она окутывает. Холодная, безжалостная, терпеливая, как долг, она смыкается вокруг, поглощая целиком, - и в последний миг, когда я ещё могу, я изо всех сил кричу в тёмное:

— Я вспомню!

И просыпаюсь.

Прелюдия. Журнал канцелярия.

Служебный журнал башни Аксерона. доступ: протокол-канцелярия. гриф: личная. составитель: не указан

Сборник вечерних записей, ведущийся в соответствии с регламентом башни (п. 12, «личные журналы первых лиц»), не подлежит огласке, уничтожению и пересмотру. Записи делаются по желанию составителя. Составитель настоящей записи пожеланий не имеет.

Запись первая.

Сегодня гвардия доложила о женщине на мосту. Обычное дело: мел на асфальте, круг, человек внутри круга. Такие случаются раз в месяц. Гвардия их приводит, канцелярия оформляет, публикация - в вечернем свode, строка между «прорвало трубу на втором уровне» и «собака укусила мальчика у хлебного киоска».

Но эту женщину я знаю.

Я знаю её с той зимы, когда мы с ней чертили шов на кальке - три ночи подряд, потому что у нас не сходились расчёты и потому что смеялись мы громко, и её сосед по комнате жаловался в реестр на шум. Она погибла - при официальном происшествии, по официальной версии, с официальным списком на похоронах, из которых я помню троих по делам.

А теперь она пишет мелом на мосту.

Рациональное объяснение у меня есть: ошибка опознания. Сходство. Плохой свет, усталый глаз, похожая осанка. Я занимаюсь городом двадцать лет - я умею объяснять.

Объяснение не работает. Я пересмотрел протокол задержания четыре раза. На фотографии - она.

Запись вторая.

Женщину с моста выпустили. Это не решение - это недоразумение. Гвардия привела, канцелярия не успела, смена закончилась, начальник смены не захотел оформлять лишний протокол в непогоду. Она ушла со своими мелками, глянув на дежурного так, как смотрят не на людей, а на счёт, который не сходится, - и я, читая свод, понял, что дежурному стало страшно, а он не смог бы объяснить почему.

Я знаю, почему.

Потому что она писала не требование. Не лозунг. Не имя, которое ищет. Она писала число.

Я его помню. Я его чертил. На кальке, в комнате с плохой звукоизоляцией, человек, который теперь ходит по мосту с мелом, вычислил это число - и мы вдвоём решили, что город его не должен увидеть. Я закрыл расчёты. Я сам закрывал: печать, канцелярия, «проект закрыт в связи с нереализуемостью».

А теперь оно мелом на асфальте, и его топчут босоножки.

Запись третья.

Я помню, как она смеялась над своими расчётами. Это не манера - это диагноз. Инженеры, которые смеются над собственными ошибками до того, как их найдут другие, - редкость; они проверяют себя жесточайше, потому что знают, где искать. Она не допускала ошибок. Она их вычисляла заранее - и хохотала, показывая мне: «Смотри, вот тут я чуть не убила город. Смешно?»

Смешно. Я смеялся. Я никогда потом не смеялся так, как в той комнате с кальками.

Я не смеюсь уже много лет. Я не умею смеяться уже много лет - это другая формулировка, и она точнее: смех требует, чтобы рядом стоял человек, над ошибками которого смеются вместе. Я стоял один.

Запись четвёртая.

Сегодня я подписал приказ, о котором буду помнить, пока меня помнят. Гвардия докладывает: женщина с моста снова писала. Число - то же самое. Плюс круг. Плюс - теперь это зафиксировано - имя.

Не своё.

Врат.

Она исследует Шов. Я не знаю, как она нашла следы - архивы закрыты мною лично, лаборатория - двенадцать уровней допуска, реактор под тремя бетона. Но она нашла. И она не остановится: я знаю эту породу. Мы чертили Шов на кальках - я знаю, что останавливает эта порода, и она не останавливается.

Приказ подписан.

«Наблюдение без задержания». Пока - наблюдение. Не потому, что я колеблюсь. Я ставлю наблюдение, потому что мне нужен срок, чтобы понять, что она нашла и как. Если следы Шва открылись сами - реактор врёт мне в отчётах, а это худшая из возможных новостей. Если следы нашёл человек - значит, человек умнее моей канцелярии, а это вторая худшая новость.

И третья причина, о которой я не напишу ни в одном приказе, а напишу только здесь:

Я хочу, чтобы она написала всё до конца. Число. Расчёт. Имя. Всё то, что мы вдвоём похоронили в закрытых папках. Я ждал, что кто-то из нас двоих напишет это до конца. Она писала первой всегда.

Запись пятая.

Гвардеец доложил о визите. Молодой, из внутренней охраны, - тот, что не пьёт, не смеётся и держит в комнате фикус, поливая его по регламенту.

Он спросил меня - в лоб, как задают вопрос не подчинённые, а разведчики: «Кто такая Лина Аскот?»

Я спросил, откуда он знает это имя.

Он ответил, что никому не скажет.

Я понял: сказал тот, кто мог сказать. Значит, следы ведут к моему прошлому, а не только к Шву. Значит, тайна Шва - не тайна бумаги, тайна людей, а людей я умею только стирать.

Я не ответил стражу. Он вышел - ровно, не дожидаясь отказа, как выходят те, кто получил то, за чем пришёл: моё молчание. Молчание - тоже ответ, и в нашем городе по нему читают лучше, чем по протоколам.

Я не знаю, кто из нас двоих - я или он - будет стоять рядом с этой женщиной, когда всё дойдёт до конца. Я знаю только то, что должен был сказать ему и не сказал. То, что не умею сказать.

Я умею стирать. Я не умею держать.

- вот здесь, на этой строке, я обнаружил, что ручка стоит на месте и не пишет. В журнале, по регламенту, не бывает пустых строк. Впрочем, регламент писали не про такие ночи.

Запись шестая.

Сегодня я получил отчёт о наблюдениях. Женщина на мосту - не Лина Аскот. Это другая. Молодая. С такими же руками, как у Лины - исписанными формулами. С такой же походкой - как будто считает шаги. Она ищет то же, что искала Лина.

Я знаю, кто она. Я видел её лицо в записях. Видел её имя в реестрах. Видел, как она росла в руинах, считая каждый камень.

Она — продолжение того, что мы с Линой не закончили. Она - ответ на расчёт, который мы не довели до конца.

Запись последняя.

Если эти записи когда-нибудь прочтёт человек, ради которого они ведутся, - что маловероятно, потому что журнал заперт в столе, а стол заперт в кабинете, а кабинет - во мне, - то прочтёт их в том мире, где мы проиграли.

Это не пессимизм. Это бухгалтерия.

Проигрыш в нашем деле выглядит так: Шов раскроется, врата откроются, и всё, что мы строили, окажется меньше того, что мы недостроили. Проигравший не пишет посланий - проигравший не выходит из кабинета, потому что кабинета больше нет.

Но существует вероятность - малая, я оцениваю её в доли процента, - что эти записи прочтёт не проигравший. А тот, кто придёт после. Тот, кто разберётся, почему число было на мосту, а имя - в вратах. Тот, кто дойдёт до конца расчёта, который мы с ней не закончили.

Тогда - тебе, читающий эту запись в кабинете, которого у меня больше нет:

Не повторяй нашей ошибки. Мы думали, что держим Шов. Шов держал нас. Мы думали, что строим реактор. Реактор строил нас - под себя, под свою старость, под свою смерть, о которой мы не написали ни строки.

И ещё.

Если ты её встретишь - женщину, которая пишет мелом на мосту, - скажи ей, что я не стёр её число. Я его переписал. В почерк, который ты читаешь.

Я не умею держать.

Но я умею хранить.

Записи прекращены. Журнал закрыт по факту ухода канцеляра. Причина ухода: не указана. В протоколе ухода - «без причины». Составитель предсказал бы такой протокол со смехом - громким, как в комнате с кальками.

Канцелярия башни Аксерона. Исполнительный лист #1. Передать по принадлежности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.